

Джеймс Мэтью Барри

Белая птичка

Роман

Джеймс Барри

Белая птичка. Роман

«Издательские решения»

Барри Д. М.

Белая птичка. Роман / Д. М. Барри — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902591-3

В книге использованы иллюстрации Артура Рэхэма (1867—1939), а также фотография автора этого романа с его псом по кличке Портос. В этом романе впервые появился Питер Пэн.

ISBN 978-5-44-902591-3

© Барри Д. М.
© Издательские решения

Содержание

Белая птичка, или Приключения	6
Глава I. О нашем с Дэвидом путешествии	8
Глава II. Нянюшка	11
Глава III. Свадьба нянюшки, её приданое, рацион и новая мебель	16
Глава IV. Бессонная ночь	21
Глава V. Борьба за Тимоти	25
Глава VI. Удар	30
Глава VII. Прощание с Тимоти	33
Глава VIII. Беспечный официант	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Белая птичка

Роман

Джеймс Мэтью Барри

Переводчик Вера Сергеевна Денисова

© Джеймс Мэтью Барри, 2022

© Вера Сергеевна Денисова, перевод, 2022

ISBN 978-5-4490-2591-3

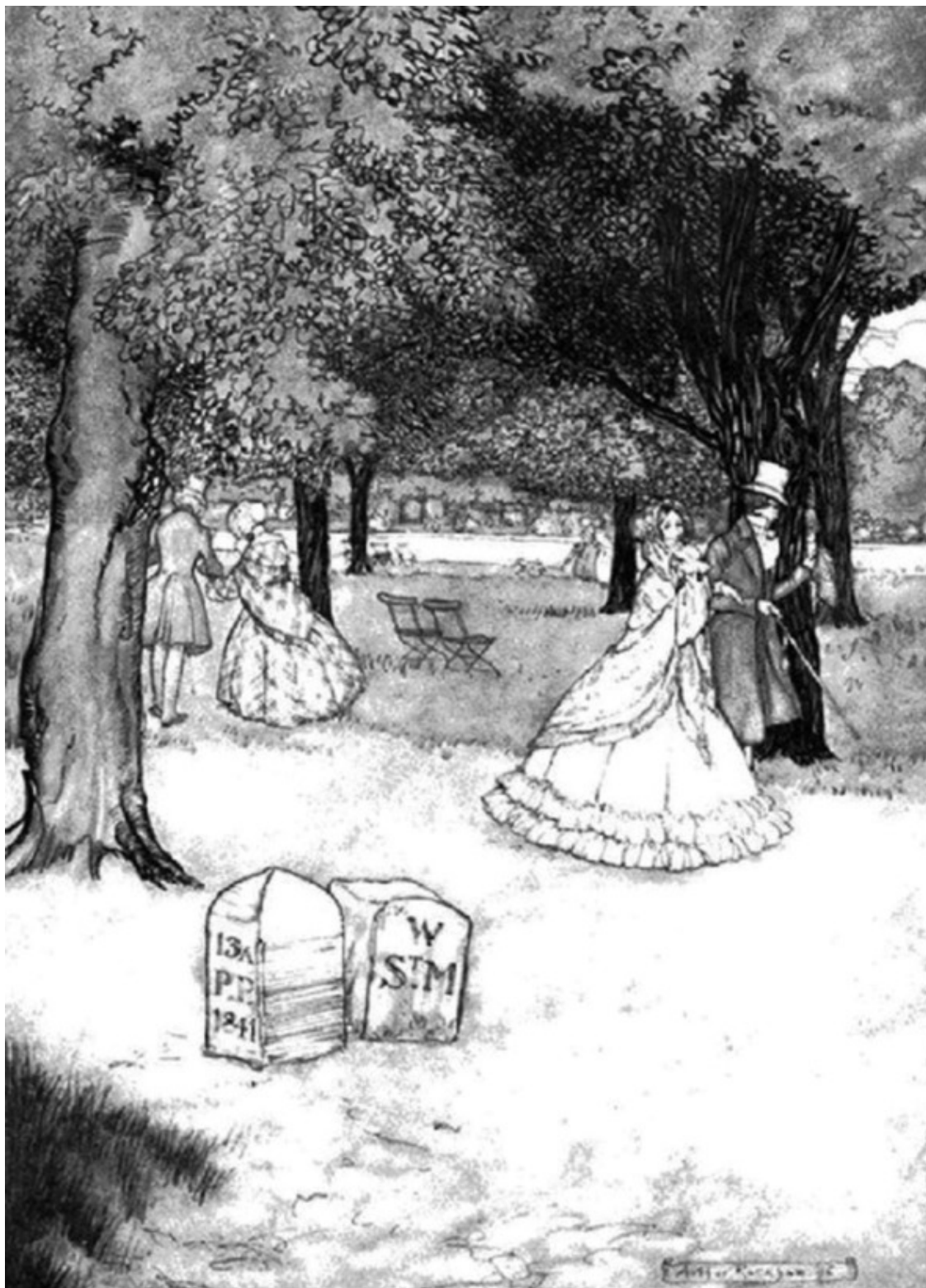
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая птичка, или Приключения
В
Кенсингтонском Саду
Роман

*Этот перевод посвящается светлой памяти Августы
Даманской – первой переводчицы этого романа на русский язык.*

Глава I. О нашем с Дэвидом путешествии

Иногда маленький мальчик, который называет меня батюшкой, передаёт мне приглашения от своей матери: «Буду рада видеть Вас у себя!», и я всегда отвечаю примерно в таком

духе: «Вынужден Вам отказать, мэм». И когда Дэвид спрашивает меня, почему я отказываю, и я объясняю это тем, что не желаю встречи с этой леди.

– В этот раз приходите, батюшка, – позднее, настаивал мальчик, – У мамы будет день рождения – ей исполнится двадцать шесть, – то был солидный возраст для Дэвида и, видимо, тот опасался, что его мама долго не протянет.

– Двадцать шесть? – удивился я, – Дэвид, скажи ей, что она выглядит старше!

А ночью мне приснился дивный сон. Мне снилось, что и мне двадцать шесть, а это было уже давно, и я ехал по железной дороге в свой родной дом – бодрствуя, я даже не вспоминаю о нём, и я опешил, увидев, что на станции меня встретила давно потерянная любимая, с которой мы в том сне ушли вместе. При встрече со мной она нисколько не удивилась, и я не испытал восторга от встречи, всё было как будто мы были женаты все эти минувшие годы. Кажется, я даже дал ей что-то понести из своего багажа.

Стоило ли делиться восхитительным сном с мамой Дэвида, с которой я ни разу в жизни не обмолвился словом; она бы опустила голову, потом храбро подняла её, изобразив на лице грусть, но всё же гордость за меня, а потом доброжелательно протянула бы мне свой изящный носовой платочек.

Если бы я и решился открыть ей душу, то сильно шокировал бы её тем, что её лицо совсем не было бы похоже на лицо женщины, которую я видел во сне.

Что может быть хуже, читатель, как быть впечатлившимся хорошенькую женщину, которая без толики оснований полагает, что ты страдаешь от безнадежных чувств к ней? Вот так и меня уже несколько лет донныне преследует непрошеной жалостью сердобольная и душевная Мэри А***. Когда мы сталкиваемся на улице, бедняжка, обольщая себя иллюзиями, слегка замедляет свой молодой быстрый шаг, дабы не огорчить человека, сердце которого, по её мнению, она разбила, и даже шорох её платья при ходьбе похож на едва различимое утешение, ей даже казалось, будто я хочу укрыться под её тёплым крылышком как Дэвид. Я также обнаружил её дикий восторг, едва ли мне понятный до этой встречи, а на обратном пути заметил даже лёгкую нотку вызова. Глазки дают мне понять, что я ни на что не имею права, при этом носик с любопытством вздёргивается, а ротик еле сдерживает желание – вот так Мэри А*** и проходит мимо меня.

Однажды она даже осмелилась заговорить со мной, так чтобы потом похвастать Дэвиду, как я решился заговорил с ней. Это было в Кенсингтонском Саду, и она спросила только: «Который час?», совсем как дитя, мимоходом, чтобы потом забыть, когда добежит до своей няни. Но я был готов даже к этому и, приподняв шляпу, указал тросточкой на башенные часы. Должно быть, та была обескуражена, но как только я отошёл чуть дальше, с немалой тревогой прислушался к её смеху.

Смеялась она совсем как Дэвид, которого я веселю дни напролёт, лишь бы этим смехом наслаждаться. Мать передала сыну свой смех. Как и многое другое с самого первого дня знакомства с ним, однако, она так тщательно обрабатывала его качества, что сразу их сходства и не заметно было. Но сказывалась и природная непосредственность мальчика. Стоило только выпустить его ладошку из своей руки, как он тут же вырывался как стрела из лука. Встретившись с ним взглядом, понимаешь, почему птицам надо летать. И как это до сих пор его прогулки ограничивались только Кенсингтонским садом? Будто слетает сюда птицей за крошками хлеба – и это творение хрупкой на вид женщины, пожалуй и её саму удивляет. Кем только не бывает Дэвид за день. Споткнувшись на тропе, он растягивается древнегреческим богом – угодно же было Мэри А*** сделать его таким, но ей хочется сотворить его прямо совершенным созданием. Однажды я застал Дэвида залезающим на дерево и его маму с затаённым страхом следившую за ним. Она не запрещала ему этого, потому что мальчик должен быть смелым, но сама при этом, как мне показалась, в каждой веточке подозревала опасность падения сына.

При этом Дэвид в восторге от своей мамы – ему она точно видится совершенством, к тому же тот уверен, что только её молитвами и может попасть на Небеса, сколько бы не нагрешил. Потому шалости и даются ему так легко. По-видимому, мама строго отчитала его за это, так как Дэвид как-то признался мне, что она не так уж хороша, как ему кажется.

– Я бы не ставил её добродетель под сомнение.

– Правда? Вы считаете её хорошей?

– Может быть, даже лучше, чем тебе думается! – уверил я мальчика.

Сохрани Господи всех матерей, пусть даже с недостатками, потому что когда мать обнажает душу перед своим ребёнком, не скрывает ничего. Такой страшный час приближается обычно каждый день после шести-семи вечера, когда все дети готовятся ко сну. Когда дети ложатся позднее, им уже неведомо подобное мистическое таинство. Едва дитя, укрывшись одеяльцем в своей кроватке, таинственно взглянет на мать, та сразу заметит плоды пережитого накануне дня, и её уже не спасёт ничто суетное в минувший день – в законный час для своего ребёнка мать предстаёт перед его судом:

– Я ведь сегодня была хорошей мамой?

И нужна только правда, от которой никуда не деться, и голоса матери и ребёнка как будто сливаются, и беседа в полусне становится таинством:

– Ты была немножко неправа тогда с яблоком...

А мать, сложив руки, эхом:

– Да, сынок, мне показалось... – но она не смеет себя оправдывать.

– А ещё, ты мне сначала разрешила гулять до шести, а потом ругала, что я опоздал, а я даже вернулся раньше...

– Нет, этого делать не стоило...

– Но я же вернулся раньше! Или ты меня обманула?

– Прости, малыш, больше обманывать не буду.

– Да, пожалуйста, мама, больше не надо!

– Но в остальном, я была хорошей мамой, сынок?

Можно ли себе представить сына, который на этот вопрос не ответит положительно?

Это достойно настоящей исповеди. Серьёзное дело – договор с человеком при его появлении на свет. Даже матерей, убегающих вечерами от детских кроваток, от суда не спасти. Зачем же столько матерей думают лишь о себе по вечерам? Нет-нет, Мэри, я не о Вас! Я знаю, что выходя вечерами из комнаты Дэвида, Вы сияете, и Ваш взгляд полон радости и уверенности, что Господь, которому молятся все маленькие мальчишки, такой же добрый, как их мама.

Надо отметить, что Дэвид очень верит в молитву. Однажды он подрался с юным христианином, который вызвав его на дуэль, и сначала помолился о даровании проигрыша противнику. Дэвиду такое поведение показалось чересчур недостойным.

– Значит, Мэри скоро двадцать шесть? Твоя мама стареет, да, Дэвид? Передай, что я приду поцеловать её, когда её исполнится пятьдесят два.

Кажется, даже привычные улицы с утра сильно изменились, а книжный магазин на углу почему-то стал рыбным. Я пытался привлечь внимание Дэвида ко всему, что нас окружало.

– А что, и я теперь буду уменьшаться? – вдруг встревожился Дэвид, – И могу уменьшиться совсем? – он не решался сказать: «Исчезну», но всё же опасался этого и крепче сжал своей ручонкой мою ладонь. И я спрятал эту ручонку в свой карман.

Мы вошли в клуб, и каким же маленьким казался там Дэвид!

Глава II. Нянюшка

Вот теперь и представьте себе, что Дэвид уменьшился так, что его со мной нет, и перенеситесь только со мной на шесть лет назад, когда я ровно в два часа дня вошёл в курительный зал своего клуба.

Позвонив в колокольчик, я заказал себе кофе, вишнёвый ликёр и сигареты и уселся на любимое место у окна. И тут замечаю в окне милую барышню, легко переходящую улицу, вышедшую будто по моему звонку. Едва я стал осторожно наливать себе в чашку кофе, придерживая крышку кофейника, барышня подошла к почтовому ящику, а пока выбирал себе нужный кусок сахара, барышня успела раз шесть взглянуть на своё письмо. Пока я закуривал сигарету с помощью официанта Вильяма, она снова перечитала адрес на письме. И только лишь когда я облокотился на спинку кресла, она опустила письмо в почтовый ящик. Потягивая вишнёвый ликёр, я наблюдал, как она следит, забрал ли почтальон её письмо. Расстроенный я бросил холодное приветствие одному из членов клуба, который вошёл как раз тогда, когда барышню стали тянуть от почтового ящика двое её малолетних подопечных. Обернувшись к окну снова, я её уже не видел. Но завтра в два часа мне суждено снова её узреть.

Кажется, она и ранее частенько проходила мимо моего любимого окна, прежде, чем я её заметил, наверное, жила неподалёку, раз приводила сюда своих воспитанников – резвых мальчишку и девчонку – чаще всего можно их было видеть с обручами в руках – барышня водила их в Сент-Джеймс парк. И, судя по её измождённому бледному лицу можно было предположить, что хозяйка перегружала барышню работой. А прочей прислуге, видимо, не по душе был её вид истинной леди.

Позже, я стал замечать, как часто она отправляет письма в почтовый ящик, но какой-то из адресатов для неё, пожалуй, был дороже прочих. Все остальные письма она опускала в ящик, не задумываясь, и только единственному адресату отправляла корреспонденцию галантно и бережно, будто к королевскому двору. А однажды девушка даже сопроводила письмо воздушным поцелуем.

И наконец, о её кольце, с которым она не просто не расстаётся, а будто не она с кольцом, а само кольцо сопровождает её по всем улицам. Прощупав через перчатку, на месте ли оно, девушка снимает перчатку и подносит кольцо к губам, хотя на вид это колечко, по-моему, совсем дешёвенькое. Вытянув руку, барышня рассматривает кольцо на солнце, потом опускает и наблюдает, как оно выделяется в потёмках тротуара, поворачивая ладонь из стороны в сторону или рассматривает колечко, прикрыв один глаз. Даже если, кажется, будто её мысли заняты чем-то ещё, глупышка снова и снова скользит взглядом на своё колечко.

Угадайте с трёх раз, что делает Мэри такой счастливой. Ни разу не угадаете! А между тем всё проще простого: она была любима простоватым юношей. И вот, вместо причитаний о том, что у неё ни гроша за душой, она выплывала на Пэлл Мэлл подтянутая, как и её багаж, с вызывающим видом помолвленной леди.

Поначалу её самодовольство раздражало меня, но постепенно и она стала частью моей жизни наряду с кофе, сигаретами и выпивкой. Но вот пришла беда.

Вторники значили для неё очень много. По вторникам с двух до трёх неё было свободное время. И вот эта девушка, получавшая, быть может, несколько фунтов в год, получала и целый час в неделю в личное распоряжение. И на что же его тратит? Занимается самообразованием? Как бы не так! Между тем барышня раздевается в пух и прах и выплывает наряженная на Пэлл Мэлл с таким вдохновенным лицом, что и я начинаю вдохновенно мешать сахар в своём кофе. В будни она скромна, но в один из вторников она так разошлась, что даже использовала зеркальную дверь моего излюбленного клуба, будто больше негде покрасоваться радостным видом обручённой леди.

Тем временем долговязый болван поджидающий её на другой стороне улицы у почтового ящика, где они встречались по вторникам, всегда поджидал её наряженным в свой единственный приличный костюм, да при этом с такой физиономией, с какой вряд ли пустят в приличное общество. Так, один из статных, ловких юных англичан, приятно сложенный, и даже, как ни трудно мне признать, красивый. Трудно признать, потому что мне не нравятся красивые мужчины. Если бы дуэли не запретили, я бы давно перестрелял всех этих красавцев. А этот

красавец, похоже, и не замечает своей прелести, но Боже мой, это и так очевидно. И Мэри это знает. По-моему, он студент, изучающий искусство, потому как настроение его часто сменяется с восторга на уныние, а поскольку он странно держит палец левой руки, будто удерживая палитру, смею предположить, что он – художник. Не без злорадства полагаю, что картины его так себе, и их никто не покупает. Однако Мэри наверняка ими очарована, такая уж у неё натура.

Жених встречает её с восторгом, сначала разразившись смехом, в нетерпенье его лицо оживляется всей палитрой эмоций, и он снова и снова разражается громким смехом. Конечно, я понимаю, он рад, что Мэри принадлежит ему, оба так связаны узами юности, что это режет мне взор. Я бы простил ему всё, кроме его юности, но так противно юн, что я прошу официанта Вильяма закрыть окно.

Зато нянюшка была более сдержанна в своих чувствах, чем её возлюбленный. В тот миг, когда она появлялась в поле зрения, тут же отводила взгляд в сторону почтового ящика и, заметив, что её кавалер ждёт, принимала невозмутимый вид. И когда молодой художник, сияя, бросался к своей невесте, та будто в изумлении прижимала ладошку к трепещущей груди. Тут и я начинал восторженно помешивать свой кофе. А для художника уже как будто вокруг кроме неё никого и нет, тут девушка, взяв его под руку, важно шествует следом за возлюбленным. Интересно, когда они наконец повзрослеют?

Оба настолько смехотворно не похожи друг на друга, но вполне дополняли бы друг друга в браке, будь у них хоть лишняя пенни для таинства.

Мне нет никакого дела до этой девочки, для которой весь Лондон сосредоточился в молодом художнике, который, видимо, и сам не очень-то хорошо её понимает, и совсем мне не интересен. Но их счастье уже стало частью моего клубного времени в два часа пополудни. Вот потому я в тот день и рассердился, не увидев, как она опускает письмо в почтовый ящик, клянусь, на старого Вильяма я рассердился бы также, если бы он нарушил мой привычный обиход. Её воспитанников поступок их нянюшки удивил не меньше меня, и они тоже с недоумением смотрели на почтовый ящик. На что она лишь покачала головой и утёрла глазки с видом огорчённого ребёнка. Так все трое и ушли дальше по улице.

На другой день тоже самое повторилось, и я разъярённый, чуть не съел свою сигарету. Ко вторнику я уже молился, чтобы всё благополучно разрешилось, но никто из них не появился вновь. Может, они почтовый ящик сменили? Но это вряд ли – по её ежедневному взгляду я понял, как тяжело её глупому сердечку. Любовь угасала, и нянюшка бродила во тьме.

Я размышлял, не обратиться ли в какой-нибудь комитет социальной помощи.

Чем же её так расстроил этот самолюбивый молодой болван, что я уже не могу спокойно пить свой кофе? Точно, болван.

Нянюшка, глупышка, неужели так трудно снова стать весёлой как прежде хоть на пять минут в день, когда это мне тоже важно. А потом можете быть несчастной, сколько пожелаете. И я уверен, что Ваш художник никуда не годится. Дня три назад я узрел его перед окном убогого итальянского ресторанчика, в которое он так долго всматривался, но весь свой зверский аппетит утолил, в конце концов, одной единственной булочкой. Ах, Мэри, он Вам не пара... Да уж куда там. Ей нужно любить и любить любимой с утра до ночи. Прямо не может баз любви. В голове не укладывается, как мало нужно женщине, особенно когда именно этого она лишена. Все они такие.

Чёрт побери, мэм, если Вы решили реветь до конца дней своих, может, хоть улицу сменидите?

Но мало того, она вся зарёванная проходит мимо моего окна, так она ещё по вторникам в томленьи безнадежном пялится из-за угла на почтовый ящик, а свиданий больше нет... И что мне остаётся, как сорваться на Вильяма?

В конце концов, её невеликие замыслы осуществились, в один из сырых вторников я сидел возле окна и писал письма... Но едва заметив мою героиню на прежнем месте, в гневе

вскочил с единственным законченным письмом, остальные решив дописать дома – ей всё же удалось вытащить меня из клуба – я свернул с Пэлл Мэлл в сторону. А там, кто бы вы думали – тот её незадачливый возлюбленный. Я столкнулся с ним со всей силы, как это часто бывает при моём столкновении с кем-либо, но вид его являл жалкое зрелище: глаза ввалились, лицо осунулось, и ему совсем не до хохота было. Подобных бедолаг я ещё не видел, а тот даже не заметил, что я его толкнул. Но я был поражён тем, как он смотрел в сторону почтового ящика – по этому взгляду было ясно, что он всё ещё влюблён в мою нянюшку. Уж и не знаю, из-за чего они там поссорились, но он тоже хотел помириться. Не исключено, что и он каждый вторник торчал здесь и пялился на почтовый ящик. Но они не могли видеть друг друга со своих углов улицы.

И тут я подумал, что вреда не будет, если я уроню письмо к ногам юноши и вернусь в клуб. Он всё-таки джентльмен и наверняка сам опустит находку в почтовый ящик, скорее всего ближайший.

Я вошёл со шляпой в руках в зал для курящих именно в тот миг, когда художник подошёл с моим письмом к почтовому ящику. Взглянул на нянюшку – та была сильно подавлена, но вдруг – ох, бедняжка, неужели всё так серьёзно!

Она плакала навзрыд, а он сжимал её ладони в своих. Душераздирающее зрелище! Молодой художник тоже готов был разрыдаться, но его ладони были заняты, а ей бы точно пришёл конец, если бы она и не спрятала своё лицо у него на груди. Однако джентльмен тут не сплосшал, а сразу позвал извозчика.

И тут я радостно крикнул Вильяму, чтобы тот подал мне кофе, сигареты и вишнёвый ликёр!

Вот и сейчас в клубе я наблюдал в окне именно ту былую сцену, когда Дэвид внезапно одёрнул меня и спросил, куда я смотрю. Я рассказал ему эту историю, и мальчик тут же метнулся к окну, но так и не увидел леди, которой суждено было стать его мамой. Всё, что я ни рассказывал мальчику о её приключениях сильно его интересовало. Однако с не меньшим вниманием он спрашивал и о человеке, который громко хохотал, и о тех двух детях с обручами. И очень раздражал меня тем идиотским пристрастием, именно к детям, которых, видимо, считал главными героями повести. Ему было интересно, как их звали, сколько им было лет, какие у них обручи – деревянные или железные?

– Ты так и не понял сынок, – нахмурился я, – Что не урони я тогда того письма, на свете сейчас не было бы мальчика по имени Дэвид.

Но этот факт не возмутил Дэвида:

– Выходит, – обрадовался он, – Мальчик бы до сих пор летал бы птичкой в Кенсингтонском Саду?

Дэвид уверен, что все дети в округе до своего рождения летали в Кенсингтонском Саду птичками. И именно потому на балконах детских комнат и рядом с каминами есть заграждения, потому что дети забывают, что они больше не могут летать и так и норовят вылететь в окно или каминную трубу.

Детей, как и птиц, в клетке не удержать. Дэвид знает, что есть много бездетных людей, и для него нет большего наслаждения, как радоваться в летний полдень за этих несчастных в Кенсингтонском Саду, пытающихся заманить птичку крошками от пирога.

Всем известно, что птицы счастливы на воле, и даже самые желторотые не вполне уверены, что в неволе научатся чему-то лучшему. А если оставить в тени деревьев пустую детскую коляску, то можно наблюдать, как птицы слетятся к ней начнут скакать по подушкам и одеяльцу, как будто примериваясь, каково это быть детёнышами.

Особенно умилительно наблюдать, как в Саду малыши, разбежавшись от своих нянечек, разговаривающих друг с дружкой в тени, принимаются кормить птичек, делясь с ними своим полдником – очень напоминает встречу старых, давно не видевшихся друзей. Однако их раз-

говоров я не могу вам поведать, так как стоило мне подойти к ним, как все они разлетались в разные стороны.

Впервые я познакомился с Дэвидом на травке в детском дворике, когда он ещё был деревянным дроздом, заметившим на аллее шланг насоса, из которого струилась вода – при виде его Дэвид-дрозд тут же слетел с ветки на землю и зашлёпал лапками по воде. Сейчас мальчика Дэвида очень смешит мой рассказ о нашем с ним первом знакомстве. Он, конечно, ничего не помнил, но со временем начал припоминать кучу подробностей, на которые в своё время я и внимания не обратил. Я только помнил мгновенье, когда его лапка угодила в силок какого-то замысловатого капканчика из веток. То было у Круглого Пруда, а Дэвиду никогда не надоест слушать эту историю снова и снова, и едва я вновь и вновь упоминаю силок, мальчик каждый раз потирает, будто бы ушибленную коленку.

Дэвиду вдруг снова захотелось стать этим дроздом, и он приказал мне не ронять больше писем на землю. В ответ на что я напомнил ему о чувствах его мамы. Но мальчик заверил, что обещает почаще навещать её и сразу, как только станет птичкой, прилетит поцеловать её, ой, нет сначала напьётся воды из их кувшина.

– А Вы, батюшка, – жутко бессердечно упрявился Дэвид, – Велите маме всегда наливать полный кувшин воды, а то я не достану попить и могу утонуть!

– Совсем не ронять писем, Дэвид? И как же бедная мама будет без своего милого сына? Мальчик слегка растаял, но снова стал непреклонен:

– А я прилечу к ней во сне и буду прыгать по её ночной рубашке, а потом клюну в губы...

– А она проснётся, и увидит только птичку, и будет очень скучать по сыночку!

Нет, Дэвид не способен причинить своей маме такой боли.

– Так и быть – роняй письмо!

И я вновь, рассказывая мальчику историю, уронил то письмо, с которого история только началась.

Глава III. Свадьба нянюшки, её приданое, рацион и новая мебель

Через пару недель после того, как я уронил письмо, я ехал на извозчике по военным делам, и вдруг услышал знакомый невыносимый хохот, будто заполонивший столичную суету,

обернувшись, я увидел моих героев выходявших из магазина проката пианино. Мельком заметив их предсвадебные хлопоты, я отмахнулся, хотя девичье лицо сияло от радости, а лицо юноши – от гордости, и я мельком расслышал, что они собирались взять напрокат фортепиано.

Итак, они готовились к свадьбе, что вызывало моё презрение, но я прошёл мимо с достоинством, потому что эта леди мне интересна только в горе, когда кажется хрупкой и беззащитной, какой на самом деле не является.

В другой раз я наблюдал их у окна шестипенсовой посудной лавчонки, кои являют собой своеобразнейшую прелесть Лондона. Мэри что-то лихорадочно писала на клочках бумаги, пока её жених что-то также быстро подсчитал, в итоге оба ушли несолоно хлебавши.

Настроение моё заметно улучшилось: «Ну, что, мэм, – ухмыльнулся я про себя, – Безнадёга! Снова в няньки пойдёшь наниматься – для семейной жизни даже утвари нет».

Однако я просчитался. Спустя пару дней я случайно шёл за ней – как-то я всегда узнаю её в толпе даже по шороху платья. Мэри несла тёмную бумажную упаковку с чем-то вроде клетки для птиц и отнесла это в комиссионную лавку, а выйдя из неё, она уже летела к той самой посудной лавочке. Терпеть не могу таких секретов, потому и зашёл в ту комиссионную лавку, якобы посмотреть битый фарфор и на прилавке и увидел только что проданный Мэри – ни за что не догадаетесь! – изящный кукольный домик! На нижнем этаже была чайная комнатка для кукол, а на верхнем – их спальня, а у самого выхода из домика одна из кукол провожала другую. Краски куколок заметно поблекли, но в целом домик неплохо сохранился – видимо, в детстве доставил хозяйке немало радости. И вот теперь помог ей обзавестись приданым!

Увидев мой интерес к товару, лавочник пояснил, что игрушку только что продала одна леди, которая в ней больше не нуждается.

Ох, и разозлился же я на Мэри! Со злости я выкупил кукольный домик, узнав у лавочника и имя, и адрес моей незнакомой героини, тут же поручив ему отослать мою покупку по этому адресу с запиской: «Уважаемая мэм, не совершайте больше подобных глупостей. Эта игрушка Вам может пригодиться в недалёком будущем. С глубоким почтением и т. п. Дженгльмен, обронивший письмо».

Назад пути не было – в сущности, я послал ей свадебный подарок. И в очередной раз узрел Мэри уже замужней дамой. Это было в ноябре около девяти вечера, мы столкнулись на улочке с лавчонками, которая вот уже двадцать лет не может определиться стать ли ей модницей или оставаться простушкой, так как там близ какого-нибудь уютного домика можно увидеть громадный рекламный язык над лавкой мороженщика. По этой улице я стараюсь проходить без очков и как можно быстрее, но в тот ноябрьский вечер я не торопился, так как передо мной шла Мэри, держась под локоть своего гоготуна, и оба были поглощены непринуждённой беседой. То ли ей не хотелось слушаться мужа, то ли одновременно и радовало, что именно он ведёт её куда-то – я так и понял.

И знаете, за чем счастливая чета забрела на эту улочку? За двумя свиными котлетами! Ей Богу!

Супруга вроде как пыталась уговорить своего благоверного, что они живут не по средствам, и тащила его домой, но втайне радовалась, что тот всё делает по-своему. Возвращаясь, домой они как дети радовались купленным котлетам. Я пошёл следом, надеясь увидеть их дом, но отстал. А ночью я сложил афоризм: «Догнать симпатичную молодую особу с двумя свиными котлетами совершенно невозможно». Но их адрес я решил разузнать, во что бы то ни стало. Наверняка, где-то рядом с той лавчонкой. Мне даже показалось, что они специально сняли жильё вблизи мясной лавки.

И вот однажды произошло нечто очень романтическое. Моя квартира на втором этаже выходит окнами на потрясающе чистую улочку, к которой ведёт дворик, который все почему-то зовут Садам. Хотя это скорее садик, и тень его деревьев падает во дворик по соседству.

И вот в тот день я сидел у окна, любуясь садиком, и вдруг на стуле в садике я вижу... мою юную нянюшку!

Я надел очки – точно она! Она сидела совсем без дела, что никак не было похоже на Мэри, тогда я достал свой полевой бинокль и обнаружил, что это не сама Мэри, а её дамский жакет, подбитый мехом – видно, его вывесили, чтобы проветрить. Меня всё это сильно огорчило, потому я и убеждал себя, что это не сама Мэри, а её жакет, но я никогда раньше не видел её в этом жакете, но почему-то был уверен, что это именно её жакет. Наверное, все вещи похожи на своих хозяев, потому и шорох дамской юбки предупреждал меня о встрече с ней, возможно, с жакетом произошло то же самое. А если она сама шьёт, то, конечно, вкладывает душу в свои изделия. Вариантов масса. Но я всё-таки оделся и вышел в тот садик, и ровно через пять минут из домика по соседству явились Мэри с мужем – вот вам и моя логика!

Они свернули за угол, а я не торопясь принялся рассматривать их домишко – забавно, тот с первого взгляда казался состоящим только из одной двери и единственного окошка. Хотя я своим намётанным глазом приметил ещё крошечное окошко, вроде форточки, видимо какой-то каморки, которую Мэри вполне возможно сотворила спальней.

Домишко был окружён заметно большими домами, а потом узнал, что через него открыт проход на задние дворы. Полтора этажа этого домишки сколотили на скорую руку скорее плотниками, чем каменщиками, потому он походил на яркий деревянный подвешенный над дорогой сундучок.

Особнячки Лондона, гораздо уютнее громадных строений, и я каждый раз проходя мимо, я благодарю их создателей. Но этот сундучок не вызывал ничего кроме смеха. Домом его едва ли можно было считать, тем более, что над дверью висела дощечка с надписью о продаже этого участка. Позвонив в двери, я вспомнил, что дощечка эта здесь уже много лет. Вот и зашёл под видом покупателя. Меня встретила скорее старушка, чем старичок, чья милая фигурка совершенно не сочеталась с окружающей обстановкой. Видимо, поняв мои мысли, старушка пояснила, что её наняли задёшево из-за её же склонности к выпивке.

И мы с прислугой прошли в гостиную, которая, как мне показалось, была очень похожа на Мэри – светлая и солнечная – вся в хозяйку. Первой мыслью было, на какие средства она её так обустроила, этот вопрос не давал мне покоя и при встречах с Мэри на улице.

Чем она только не украсила эту комнатку: от самодельного шнурка без звонка до расписной пустой табакерки.

Яркий, зелёный пол покрывали восточные ковры. Мне показалось, что зелёный и белый преобладают в этом интерьере ещё и потому, что хозяйка пытается смягчить резкий солнечный свет. Занавеси на окнах из лёгкой ткани цвета алого клематиса торжественными воланами спускались до полу, и при виде их я живо представил, как Мэри принимает здесь гостей. Я узнал тут и фортепьяно, взятое напрокат. Здесь и мебель преобладала зелёного цвета: диван, угловой сервант и дивное бюро, также чудесно напоминавшее свою хозяйку, как будто вместе с хозяином готовое был присесть возле хозяйки, приклонив колени для её записей. На почтовой бумаге, лежавшей на столике бюро, было выведено «Мэри» – ведь на свете есть лишь одна Мэри. Стены были увешаны холстами, преимущественно без рам. А ещё я заметил довольно ценный подсвечник, накрытый чехом.

– Хозяева, видимо, состоятельны? – спросил я горничную, та отрицательно покачивала головой, пробормотав что-то, – По-Вашему, хозяин женился по расчёту? – мягко уточнил я, и на этот раз ответ был разборчив:

– Они питаются всухомятку, – и она смолкла, потупившись.

– Однако, обстановка здесь недешёвая...

– Хозяйка всё это сделала сама, – откровенно выпалила моя новая приятельница.

– А этот чудесный зелёный пол?

– Чуток масла и краски на шиллинг, – горничная сама стыдилась своего откровения.

- А занавески?
- Остатки с распродажи.
- А этот диван?

И тут горничная приподняла чехол, и я узрел мастерски сооруженную из ящиков для упаковки вещь.

– А бюро? – я надеялся, что уж тут-то нечего будет возразить – сам же лицезрел милые выдвигаемые ящички с медными ручками, обтянутые шёлком, но:

– Три ящичка из-под апельсинов сколотила сама, – не без удивления в голосе парировала горничная.

Я рассеянно осматривался, вспомнив и про таинственный предмет под чехлом.

– Но ведь под этим чехлом точно красивый дорогой подсвечник? – не унимался я, но старушка, сморкнувшись, протянула к нему руку, – Бога ради, не трогайте! – остановил я её, – Я предпочитаю верить в лучшее, иначе как жить без веры?

Нянюшка собственноручно соорудила здесь премилую обстановку практически из ничего, и мне не хотелось терять веру в дорогой подсвечник.

– Прямо как в музее! – удивился я, но горничная уверила меня, что наверху ничуть не хуже, – Ещё и второй этаж есть? Неужели хозяйка и лестницу сама смастерила?

– Нет, не смастерила – приукрасила слегка.

Лестница вела в спальню, и я решил её не осматривать, но хотелось посмотреть и мастерскую в садовой сторожке.

– Неужели и сторожку она тоже сделала сама?

– Нет, приукрасила.

– Однако она это делает мастерски. Не боитесь, что она и Вас захочет приукрасить?

Моё расположение явно пришлось старушке по душе, и она поделилась со мною ещё кое-какой информацией: домишко этот сдали молодой семье в наём совсем дёшево, но с условием, что они немедленно его очистят, как только участок будет кем-либо куплен, потому те и мирились с позорным объявлением. И как не ненавидела Мэри это объявление, гордилась своим домиком, как собственным настоящим домом и в страхе дрожала, когда речь заходила о покупке участка. А ещё горничная изрекла:

– Труднее всего хозяину не столько писать картины, сколько найти для них рамы, – и она добавила, – Я этого художника особенно не признаю, да и публика, видимо, тоже, раз его плохо покупают. Вот они и питаются всухомятку.

Лишь один человек верит в талант этого художника, хотя, может и это плод воображения, и когда однажды хозяин захандрил, хозяйка шёпотом выпрашивала у пришедшего гостя похвалы для хозяина – только Мэри и могла вернуть художнику веру в себя.

– Опасная особа, – передёрнул я плечом и принялся рассматривать картину над камином – мужской портрет в раме. Мне весьма понравилось творение.

– Это её друг, – горничной явно нравилась роль экскурсовода, – Но его здесь ни разу не видели.

Я чуть было не отвернулся от портрета, но взгляд мой упал на подпись внизу аккуратным дамским почерком: «Воображаемый портрет нашего незнакомого друга». Неужели они меня так себе представляют? Меня невыразимо взволновал этот факт.

С портрета смотрел весьма привлекательный молодой человек, не больше чем тридцати лет.

– Откуда же Вы знаете, что это её друг, раз он сюда ни разу не заходил?

– Когда хозяин писал его, часто прибежал из мастерской к хозяйке и советовался с ней, какими сделать глаза...

– И что она?

– Говорила, что у него прелестные голубые глаза, тогда хозяин спрашивал о лице, она его тоже находила очень красивым, хозяин предположил, что друг этот средних лет, а хозяйка уверила, что лет двадцать девять, как-то художник поинтересовался, нет ли лысинки, а хозяйка даже вскрикнула, что никаких лысин нет.

Какое благородство у этой души – никакой лысины!

– Я заметила, как она посылает портрету воздушные поцелуи.

Милая фантазёрка! Разве я достоин воздушных поцелуев такого нежного создания?

Ох!

Любуясь портретом, я пытался придумать к нему ироничную подпись, но горничная остановила мои размышления:

– Они, похоже, друзья детства – тут хранится его подарок, – и с этими словами она вытащила из-под дивана кукольный домик. Мне тут же захотелось оставить в нём пару шуточных записок, но рука не поднялась, и вот почему: эта проданная и вновь купленная игрушка была по-новому и с теплом отделана: новые платица на куколках, свежавыкрашенная кукольная мебель – игрушка уже могла служить новым хозяевам. Я снова посмотрел на горничную, но та была невозмутима.

– Поставьте игрушку на место, – велел я ей.

Мне стало очень стыдно, что я именно так докопался до невинной тайны Мэри, и я печально побрёл прочь из их домишка.

Теперь юная незнакомка сильнее владела моим вниманием.

Глава IV Бессонная ночь

В одну из ночей муж Мэри в одиночестве бродил по улице. Он не в силах был помочь нянюшке, которой стоило справиться со схватками самой. Мужчине в этот великий час в доме нет места. Долой самолюбивого, нечуткого мужчину – это час женщины.

И тот, понуриив голову, вышел, всё так же преданно любящий.

Разве он был когда-нибудь неласков с женой – он бы не простил себе подобного. Его в эту ночь не должна мучить совесть. Даже если он и делал что-то не так, впредь он постарается быть лучше, нежнее.

Я уверен, что бедняжка, если бы могла, непременно подошла бы к окну и дала бы понять, что единственный Ваш грех по отношению к ней давно забыт. Она бы утешила Вас улыбкой, может быть даже последней, на память о ней.

Но это было возможно ещё вчера, сегодня ей уже не до улыбок, и он бродит по улице с мыслями о ней, а она о нём уже и не думает. В этот великий час мужчина для женщины становится второстепенным – и супружеская любовь в эти минуты уходит на второй план.

А он всё бродил по тёмной улице вдоль и поперёк, и в моём воображении мелькало, что на первом плане в его мыслях была Мэри А***.

Мне вспомнилось утро на другой день после того, как я навестил их домишко, когда хозяин пообещал мне снять ненавистную доску с объявлением, но я не сомневался, что Мэри справилась бы с этим и сама, без помощи плотника. И точно – утром, проходя мимо их домишка, заметил, как хозяйка стоя на стуле, поставленном на скамейку, колотила молотком по доске, а сорвавшуюся тут же доску она в сердцах пнула ногой.

После чего хозяин караулил почтальона, наверное, ждал важное письмо о своей картине. Художник высматривал почтальона с напряжением не то террориста, не то ангела-хранителя, но так и не спросил первым, нет ли для него письма, и только когда что-то падало в их почтовый ящик, неизбежно хватал и тут же вскрывал депешу, и если на лице его читался отказ, жена, наблюдавшая за ним из окна, в отчаяньи прижимая руки к груди. Но если письмо было с доброй вестью, оба летели из своего домишка в сторону мясной лавки. То ещё зрелище. Летними вечерами я любовался в открытое окно, как она играла для него на фортепьяно и пела. Бывало, что лишь одной рукой, другую протягивая мужу – обстановка безумного счастья и сплошной романтики. Мэри смеялась до тех пор, пока и на лице мужа не вспыхивала улыбка, но уверен, что и всплакнуть могла над страницами печальной книжки.

Так смеясь, плача и вздыхая, нянюшка превращалась лучезарную, загадочную леди. Наверное, мужчина скорее свыкается с великим превращением, а то и совсем забывает то время, когда девичьи глаза сияли по-детски.

И я пытаюсь угадать, о чём думал её молодой муж, бродя по ночной уллке: «Если бы не эта малость, они по-прежнему бы беззаботно гуляли вместе, а она бы болтала без умолку так, что кого угодно ввела бы в ступор».

Бедный муж – его жене сейчас не до него и не до их великой любви, если она останется жива, всё будет по-прежнему, но если не выживет, то покинет этот свет радостно. В одно единое мгновение всегда встречаются жизнь со смертью и ребёнок с матерью, когда одна становится на якорь, а другой поднимает свой парус, оба звонко приветствуют друг друга, после чего их пути расходятся.

И что же дальше?

По-моему, если и есть души, которые до конца не могут покинуть земной мир, то это лишь души матерей умерших при родах – они не могут оставить своих детей, только они и заставляют их вернуться на землю. Денно и ночью они просачиваются в знакомые комнаты: «Ну как ты, мой малыш?» Дитя поначалу пугает незнакомое лицо, но тихий шёпот матери едва слышен. Матери склоняются над колыбельками, прислушиваясь к детскому дыханию, поправляют одеяльца, проверяют ящики комодов – хватит ли пелёнок – всё надо знать.

Печальнее всего, что эти тени так и не узнают своих детей, надеясь увидеть их такими, какими запомнили в час расставания, растерянно бродят по комнатам и ненавидят тех подросших мальчиков, в которых превратились их малыши. Бедные тени, не способные причинить зла. Именно такие призраки и рыдают и стонут в старинных особняках Лондона, и как только люди не напрягают свою фантазию, чтобы объяснить столь простое явление. Я знал одного

малого, который после долгих странствий вернулся в родной дом лишь переночевать. Сидя в кресле перед камином, он мало помалу стал замечать тень женщины, которая время от времени проскальзывала в приоткрытую дверь и, с ненавистью взглянув на него, сразу исчезла. В этом доме творилось что-то странное – то окна открывались сами собой, то полог над кроватью вспыхнул, то провалилась ступенька лестницы, потом кто-то злобно задвинул заслонку старого колодца в коридоре, и когда бедолаге в конце концов стало не по себе, кто-то перепутал лекарства, что и привело к его гибели. Тени матери и невдомёк было, что этот поседевший пришелец и есть её родной сын, за которого она переживала.

Мы неверно представляем себе приведения. Им меньше всего интересны в нашем мире их несбывшиеся желания или планы мести. Они пугаются нас гораздо больше, чем мы их.

Но вот на улицах стали гаснуть фонари, и осталось светящимся лишь окошко маленького домишки. Уже не помню, кто из нас с художником первым подошёл навстречу, но наши шаги, отражаясь эхом, маршировали в такт друг другу. Мне совсем не хотелось лгать художнику, но надо было как-то объяснить моё появление ночью на этой улочке, и я кое-как пояснил это парой слов, но тот услышал их вскользь, потому что напряжённо прислушивался к иным звукам. Так или иначе, но ему почему-то показалось, что и меня выгнали на улицу по той же самой причине, что и его. И я не стал разочаровывать бедного художника. В конце концов, причина не имела значения, но так естественно нас роднила. Мы болтали о всякой всячине, об успехе в жизни. Для меня честолюбие давно стало частью ушедшей молодости, до которой пришлось бы долго мчаться на поезде, но художник до вчерашнего дня ещё был честолюбив.

– Боже мой! – вздрогнул он, когда башенные часы пробили без четверти, потом час, потом два, – Так который же час?

– Двадцать минут третьего.

– А теперь?

– Тоже.

Я спросил его о семье – родных у него не осталось. Но тут же признался, что у их маленькой семьи есть один друг, и принялся несвязно рассказывать о письме, о кукольном домике и о каком-то незнакомце, который купил его картину. Я с трудом улавливал суть его рассказа:

– Жена уверена, что это один и тот же человек и уверяет, что тот обязательно даст о себе знать, если с ней случится самое страшное. Тут его голос почти сел, – Она просила меня передать ему своё благословение, если вдруг она умрёт, когда я его всё-таки найду.

Мы снова разошлись в разные концы улицы, потом снова стали шагать рядом – так продолжалось несколько раз за всю ночь. Муж вспоминал о том, что велела сделать жена в случае её смерти, но разобрать его сбитую речь было совсем невозможно. Вовсе не желая верить в печальный исход события, он то и дело возвращался к этой теме с виноватым видом нерадивого ученика. Взрослый ребёнок! За минувший год Мэри завладела им полностью – таковы женщины – первыми усыновляют именно мужей. Лишь немногие счастливые мужья способны самостоятельно забить в стену гвоздь.

Но моя нянюшка, как вы поняли, всё же осталась жива. За восемнадцать минут до четырёх утра послышался шелест крыльев Дэвида. Он и теперь горд, что первым делом появившись на свет, взглянул на часы.

Пожилой джентльмен открыл дверь и приветственно помахал молодому отцу, а тот спустя миг с безумным хохотом, боднул меня лбом к стене, и, потоптавшись, рванул прочь как безумный – я за ним, тронул его руку, чтобы пожать, но тот захохотал так дико, что мне стало противно и хотелось как-нибудь зло подшутить над Мэри А***.

– Дорогой мой, – крикнул я вдогонку, – Ей сейчас не до Вас! Интеллект подобных дамочек лишь слегка возвышается над их природными инстинктами, так что года три она точно будет поглощена лишь своим детёнышем! Вы для неё теперь вроде законченной картины!

Хотя вряд ли тот меня расслышал, отправившись, домой. Домой? Разве одному свить уютное гнёздышко? Частенько поднимаясь в свои роскошные холостяцкие комнаты, я прислушивался к радостным голосам прислуги внизу. Вместе с моим громадным псом мы ходили из одной будто опустевшей комнаты в другую как-будто тоже опустевшую. Докуривая сигару, я услышал, как в окно ударил камешек. Под окном стоял отец Дэвида, наверное, вспомнил, что я назвал свою улицу и пришёл на свет в моём окне.

– Не смогу уснуть, пока не узнаю, что у Вас всё в порядке, – крикнул он мне снизу.

Поначалу я не понял, что он имеет в виду, но потом заверил:

– Да-да, в порядке, не беспокойтесь!

– Оба живы-здоровы? – не унимался тот.

– Оба, – и я принялся закрывать окно. Конечно, парень переживал за меня, но мне было не по себе.

– Мальчик или девочка? – не унимался тот.

– Мальчик! – бросил я остервенело.

– Замечательно! – он выкрикивал ещё что-то, но я уже с яростью захлопнул окно.

Глава V. Борьба за Тимоти

А ребёнок Мэри не переставая голосил, радостно двигаясь навстречу своей счастливой судьбе, да так громко, что даже сворачивая с улочки на улочку, я слышал его громкий хохот. Вроде бы совсем нового человека, но очень похожий на хохот его отца, малыш прямо попу-

гайничал. И мне совсем не было жаль его мать, только отца, он ведь поймёт со временем, как малыш будет по-клоунски смешить всех, сам того не желая.

Знавал я одну премиленькую девушку, постоянно надувавшую губки из-за того что, не очень вежливые люди постоянно требовали от неё живого радостного взгляда, и хотя та от природы действительно была жизнерадостной, но присмотревшись к своей мордашке, поняла, что надувать губки ей больше к лицу. Героически переборов свою жизнерадостность, как большинство женщин, храбрая Маргарет, неужели лишь готовясь ко сну и распустив косы, ты позволяла себе быть настоящей, а может даже сонной мордашке не позволяешь?

Неужели и малышу Мэри придётся ради отца идти на жертву? Поживём – увидим, а пока через несколько месяцев я решил подарить Дэвиду лошадку-качалку.

В магазин игрушек я направился в сопровождении моего сенбернара, хотя в такие магазины беру его с собой редко – он там слишком оживляется. Но ведь и игрушки в таких случаях я именно ему покупаю, однако продавщицам мы об этом не говорим и стараемся сдерживаться. Сколько я не зарекался, что больше его с собой не возьму, но пёс всякий раз – бух! – передо мной как мешок с углём, растягивает лапы и жалобно впивается в мой взгляд огромными подрыжими веками глазами, так чуть ли не с час, ни разу не моргнув, знает ведь, что я не выдержу. Мой пёс может и не слишком умён, но всё, что ему необходимо, знает в совершенстве. Когда мы выходим из дома через потайной вход, и я украдкой прислушиваюсь к соседним дверям, сенбернар, обернувшись, будто укоряет меня взглядом: «Разве так можно?»

– Ну и ладно, пошли! – так или иначе, говорю я ему в таких случаях.

Он со мной и в клубе не раз бывал, каждый раз поднимаясь по лестнице с важным видом полноправного члена клуба, хотя прочим посетителям это было не по душе. Уже и не помню точно, как я его купил, кажется, обнаружил объявление в старом номере журнала «Панч», и он обошёлся мне не меньше восьми-комнатного коттеджа.

Пёс был уже взрослым а я по глупости приобщил его к игрушкам. Купил как-то себе на улице игрушку-вертушку – мамку, жонглирующую своим ребенком из руки в руку. И вот, сидя у камина за этой семейной идиллией, я вдруг обернулся и увидел грустную физиономию своего пса. В испуге я чуть не спрятал игрушку, но пёс потащил меня за рукав, чтобы я продолжал играть. Шумная собачья радость сопровождала каждое движение игрушечной мамки подбрасывающей и ловящей своего малыша. Игра его явно увлекала, потому что он всё чаще бегал с шумом полакать воды из своей миски, забыв о благопристойности. Потом он со щенячьим восторгом ухватил игрушку лапами и забрал с собой спать, но во сне нечаянно проглотил и так тосковал наутро, что я вынужден был купить ему новую игрушку – косца. Потом появился мальчик в чёрных сапожках, пьяница с бутылкой, пушистый кролик-пищалка – все эти игрушки исчезали также необъяснимо, как и мамка с малышом. Пёс смутно подозревал, в чём дело, но я не решился ранить его впечатлительность.

Хозяйка магазина игрушек, куда мы частенько наведывались с моим псом Портосом, предполагала, что я покупаю подарки для маленького мальчика, приговаривая то «ангелочку, то «лапочке». А Портос гордо и важно стоял рядом со мной. Добрая хозяйка слишком много говорила:

– Как сегодня Ваш ангелочек? – радостно приветствовала она меня.

– В порядке, в полном, – и я сдерживал Портоса за ошейник.

– Сегодня ветрено – он хорошо кушает?

– Да, мэм, всё в порядке, – вот бы её удивило, что мой «ангелочек» умял в обед баранью голову, хлебец и три кочана капусты, да ещё, по-моему, утащил баранью ногу.

– Наверное, любит свои игрушки?

– Так и носится с ними.

– Хотите набор для юного мастера?

– Нет.

- А землю копать Ваш малыш любит?
- Очень! – (может и баранью ногу откопает!)
- Может, возьмёте лопатку с ведёрком?

Однажды она предложила мне модель Кентерберийского собора, но дома Портос основательно высказался об игрушке – ему не нравились детские модели, а хозяйка магазина была от них в восторге, так мы и сменили одну лавку игрушек на другую.

За лошадкой-качалкой мы двинули в Нижний Пассаж – в разные периоды жистни мы нет-нет, да и бродили тут то с Портосом, то с Дэвидом, то с Дэвидом и Портосом. Эти магазинчики считают вульгарными, но я с этим не согласен. Разве что ребятня из бедных кварталов может подпортить настрой. В Пассаже два входа: парадный с улицы Странд, и малозаметный, но более романтический с переулка, потому что именно там Дэвида с волшебным фонарём окружила толпа восторженных нищих сорванцов.

Но ныне Пассажу предвещают упадок, заменив его то ли кафешкой, то ли роем банков – чем-то обычным и в общем-то необходимым. И всей этой радости суждено исчезнуть.

Эти Ноевы ковчеги укладываются как матрёшки и упаковываются в ящики с механическими лошадками со сбруей, за ними следом бегут солдатики с ранцами, целующие руки дамам. Куча мосек с собратьями окружили слона, гружённого гостинными гарнитурами, птички машут крылышками, а косец пробирается сквозь эту пёструю толпу. Воздушные шарики покачиваются на туго стянутых нитках, как корабли с поднятыми парусами, давая знак готовности к отплытию.

Лошадку мы приобрели в Нижнем Пассаже.

Портос, думавший, что это для него, всю дорогу посматривал на неё то с гордостью, то с волнением, но я надёжно упаковал подарок и анонимно отослал в деревянный домик-сундук. А несколько дней спустя мы повстречались с мужем Мэри в Кенсингтонском Саду, и я поинтересовался, как они назвали девочку.

– Мальчика, – раздражающе добродушно отозвался художник, – Дэвидом назвали, – и тут же спросил со свойственной ему бестактностью как назвали моего мальчика.

– Тимоти, – отозвался я, заметив сразу, как тот еле сдержал улыбку.

А а потом он горячо подтвердил, что это тоже красивое имя, как и Дэвид:

– Мне очень даже нравится, – заторопился он убедить меня, а также высказал надежду, что наши сыновья подружатся.

Меня так тянуло резко оборвать его, что я не позволю Тимоти водить дружбу с кругом Дэвида, но я сдержался и без эмоций выслушал его повествование о заливистом смехе Дэвида во время его игры с собственными пухленькими пальчиками. Он и весом ребёнка похвастал, будто единственное назначение детей не по дням, а по часам в нём прибавлять. А о Тимоти ни слова – о нём и так некому поговорить ласково. Я решил исправить это и заговорил о зубках, но едва почуяв, что мало смыслю в этом вопросе, перешёл к более знакомому – о детских слюнявчиках и развитии младенцев. Художника очень заинтересовали все мои замечания, как и широкий кругозор в этой области столь несвойственный мужскому сознанию, а я, бледнея, проклинал себя, не понимая, почему он придаёт столько внимания моим словам.

Но художник вспомнил и старую историю о неизвестном друге семьи:

– Представляете, он подарил Дэвиду лошадку-качалку!

– Ну и что? – не удивился я.

– Это трёхмесячному-то?

Я чуть было не огрызнулся, что стремя лошадки можно под любую ножку подладить, но вовремя сдержался и просто посмеялся вместе с ним. Хотя меня задело, что и Мэри не удержалась от смеха, хотя я и сам смеялся, не помню сколько раз.

– И всё же все женщины необъяснимы, – вдруг заметил мой собеседник и пояснил, что жена внезапно перестала смеяться над подарком, грозно убедив, что «ничего смешного тут

нет!», потом торжественно поцеловала мордочку лошадки и произнесла, что хотела бы видеть этого друга рядом, лицезреющим сию сцену.

Всё-таки иногда Мэри нельзя не любить! Но лишь иногда, потому что потом она соизволила выставить меня самым неприглядным образом. Её супруг сообщил мне вскользь, что Мэри решила, во что бы то ни стало узнать, кто этот неизвестный друг семьи.

– Вряд ли узнает, – разразился я нервным смехом.

– И это будет её первой неудачей, – заверил художник.

– Она же совсем ничего о нём не знает!

– В разговорах о нём она утверждает, что это старый добрый чудной холостяк.

– Старый? – ужаснулся я.

– Да, и она боится, что тот может совсем скоро состариться, если не возьмёт себя в руки, а ещё этот холостяк очень любит детей, но своих у него нет, и никогда не было, а он бы хотел с ними поиграть.

– Даже если бы у него и был ребёнок, он бы вряд ли смог с ним поиграть, – вдруг оборвал я, – Он уже и забыл, что такое дети, не так ли? Не играл бы, а только любовался.

– И наверняка не решился бы на это один. Но Мэри уверяет, что тот отлично бы справился с заботой о ребёнке.

– Тьфу! – начал возмущаться я, но собеседник меня остановил:

– Мэри уверена в этом, – и тут же добавил, – По-моему, из чувства благодарности.

– Ну и ладно! – мне стало неловко, а когда мы с художником вновь встретились, он меня даже испугал:

– Может быть, Вам известен джентльмен с громадным сенбернаром?

– Нет! – отрезал я, махнув тросточкой.

– Наш неизвестный друг держит сенбернара!

– Как Вам удалось это узнать?

– Это всё Мэри.

– Но как?

– Сам не понимаю!

И я заторопился прочь, потому что как раз выгуливал Портоса неподалёку.

Всё это начало напрягать меня, но я быстро принял меры безопасности – нанял слугу для прогулок с Портосом в Кенсингтонском Саду, строго наказав тому, чтобы заметив позади себя молодую леди с детской коляской, он тут же звал полисмена, потому что она, кажется, хочет похитить пса.

Вот Вам, Мэри!

Но в другой раз её супруг потряс меня новыми новостями:

– Лошадка-качалка стоит не меньше трёх гиней.

– Что, Ваша жена справлялась о цене в лавке?

– Нет, о внешности того покупателя.

Ох, Мэри, Мэри!

Вот так меня описали в Нижнем Пассаже: «Высокий, солидный джентльмен, прилично одетый, с военной выправкой, с прямым римским носом (точно подметили!), поредевшими волосами уложенными ровным пробором, как по струнке, видимо, чтобы создать больший объём шевелюры (тьфу!). Джентльмен не садиться на стул, не смахнув с него пыли платком, и вообще у него манеры старой девы (интересно, какие именно?), прилежно учтив, но не сильно общителен, угрюм на вид, лет сорока пяти (не угадали!), его всегда сопровождает громадный рыжий пёс с печальным взглядом (Это рыжие веки пса их так смутили!)»

– Вам что-нибудь известно о подобном человеке? – невозмутимо поинтересовался супруг Мэри, выпалив мне это описание.

– Друг мой, под это описание подходит куча моих знакомых!

И то, правда: в нашем клубе все члены с годами становятся похожи друг на друга. Но в целом мне наша беседа понравилась, потому что я понял, как Мэри узнала о моём сен-бернаре. Но однажды я видел, как Мэри пытается с любопытством заглянуть с улицы в мои окна за занавесками, и снова обеспокоился. Потом остановила на улице какую-то няню с ребёнком, рассыпавшись в комплементах – наверняка пыталась узнать, не зовут ли малыша Тимоти, а если нет, то она, наверняка, надеется через неё узнать о другой няне с воспитанником по имени Тимоти.

Похоже, Мэри всё же именно меня подозревает. Однако, меня увлекла мысль о Тимоти и захотелось узнать о нём побольше, потому как наши встречи с отцом Дэвида периодически повторялись, и ему непременно хотелось поговорить о наших сыновьях, а вопросы он задавал довольно специфические, вроде тех, как Тимоти просыпается по утрам, или как засыпает по вечерам, или в чём его купают – хорошо, что дети и собаки довольно схожи в плане ухода за ними – так что меня спасал опыт общения с Портосом.

Так и отвечал, что Тимоти, спит спокойно, страшных снов не видит, что купаем его в ванне с карболкой и потираем щёткой. Супруг Мэри не заметил ничего подозрительного, на благосклонность Мэри я тоже надеялся, но всё же оставался настороже. Возможно, дама готовилась к новой атаке, и это больше привязывало меня к Тимоти – я опасался, что нас разлучат, а мне бы это нелегко далось.

Глава VI. Удар

Как-то майским днём я заметил из своего окна, что Мэри, провожая мужа до перекрёстка, так долго машет ему платком, будто провожает его в дальнее плавание. Её взволнованный вид выражал упрямую радость ожидания счастливого возвращения супруга. Но джентль-

мен с военной выправкой, следивший за ней из окна, грустно улыбаясь, догадывался, что та начиталась книжек с советами о сохранении супружеского счастья. Так ведь, Мэри?

Ну вот!

Как только супруг скрылся из виду, её будто подменили – Мэри вмиг стала деловой дамой, аккуратно оглянувшись вокруг себя, она вдруг согнулась, уменьшилась до неузнаваемости и таинственно куда-то заторопилась. «Что ещё за номер?! – подумал я и отправился следом. Она так часто поглядывала на свои часики, будто опаздывала на свидание, долго всматриваясь в циферблат, будто плохо различала цифры.

Она их даже к губам поднесла разок.

Я знал, что она очень любит свои часики, которые, по-моему, ей подарил художник как раз в тот день, когда я уронил письмо, но зачем целует их на улице?

Однако мои праздные мысли сменились тоской: что её занесло на эту улочку, пестреющую дешёвыми лавчонками? Причём ни в одну так и не заглянула, а только сильнее сгибалась, опасаясь взглядов прохожих – что тут постыдного? Никогда не замечал, чтобы эта мордашка чего-либо стыдилась. Если бы я решился в тот миг окликнуть её по имени, она бы точно сквозь землю провалилась. Но я, таясь, не переходил на её сторону, скрываясь, я размышлял, что за свидание у неё здесь?

Думаете, я подозревал Мэри в дурном? Отнюдь. Но как-то уж слишком осторожно она направлялась на эту встречу, не сказавшись мужу, видимо, боясь опасности, которую надо было ликвидировать, и не столько ради себя, сколько ради мужа. Мэри не была способна на дурные поступки, но что мог натворить её милый увалень? Или его громкому хохоту грозит поношение? Ясный взгляд, непослушные вихры, светлая улыбка – все эти черты мы несём из детства, и они могут сохраняться столь долго, сколь остаётся чиста наша душа. А над смехом зло не властно.

А Мэри кого-то ждала, краса её поблекла от стыда на пылающем лице, этот стыд даже уродовал её – неужели всё из-за мужа? Я ругал его, но не слишком, потому как понимал, что и женщин без греха не бывает. Я что-то смутно припоминал, догадывался, но ничуть не усомнился в чистоте помыслов Мэри, которая пытается сделать что-то не очень плохое, но чего может и не стоит совершать. Может, стоит вернуться домой, глупышка? Нет, она упрямо видит перед собой лицо мужа во время расставания, сияющее вдохновением от собственных картин, что он пишет несмотря ни на что. И это она осветила его вдохновенный путь, дав силы.

А ведь думает вернуться назад, но не решается, поборов пару лёгких шагов назад, так и не покидает этой улочки, вернувшись на место как попавшаяся обманом в лисью ловушку птичка.

Не сходи с ума, женщина, беги отсюда!

Но она всё же переборов себя проскользнула в лавчонку ростовщика.

Теперь я понял, почему она выбрала именно этот квартал победнее, и именно эту улочку, где её никто не знал, и почему так часто любовалась на часики, которых может больше и не увидит никогда. Ей тяжело давалось ведение небольшого хозяйства, но в присутствии мужа она скрывала за улыбкой, куда исчезают дорогие её сердцу вещицы.

Может это и дико, но мне стало заметно легче. Даже когда Мэри выбежала из лавчонки, где оставила в залог свои часики, я заметил, как она исхудала и осунулась последнее время, похоже, малыш стал тяжелее для её хрупких рук. Но и теперь мне было легко на душе. И я не спеша побрёл домой за ней следом, напевая какую-то песенку без слов – слов я никогда не запоминаю, наблюдая издали, как Мэри зашла в лавку детского белья – теперь понятно, зачем она рассталась с часиками. Но мне-то что? Я спокойно дотягивал песенку, замахнулся тросточкой по фонарному столбу и промахнулся. Какой-то сорванец на улице так заразительно посмеялся над моим промахом, что я подмигнул ему и сунул ему за ворот монетку.

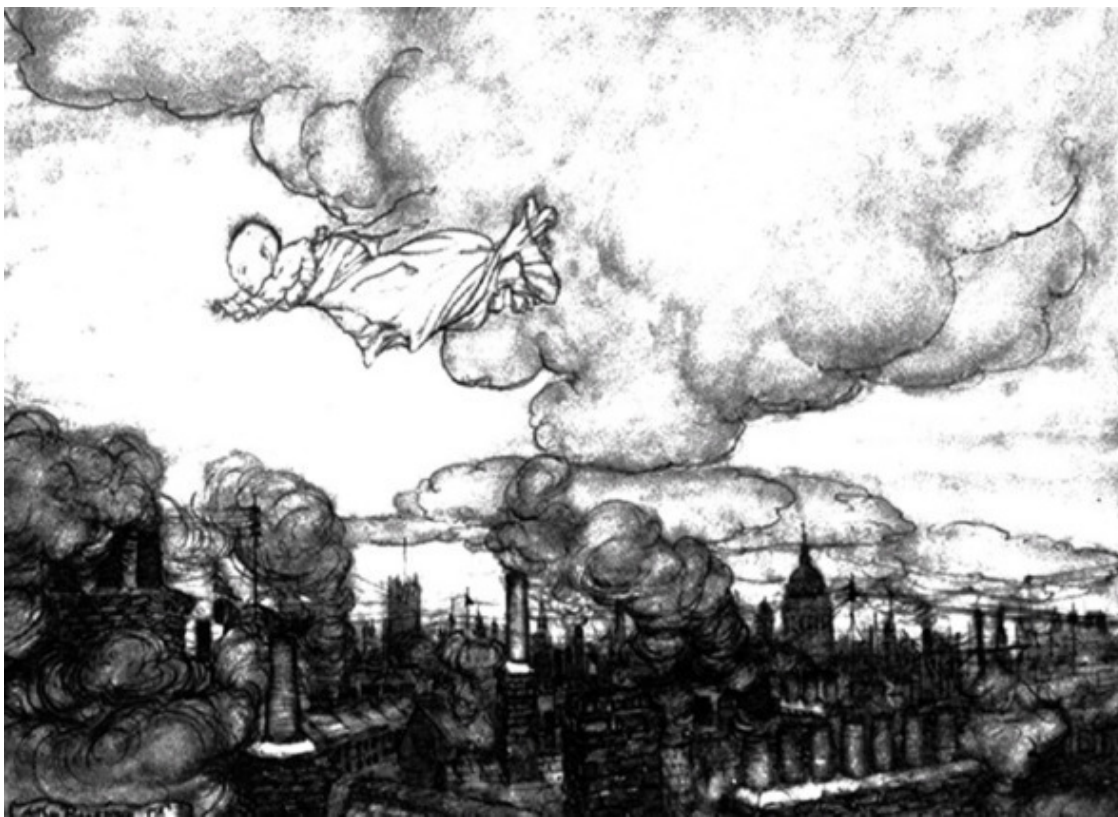
Наверное, я шёл самой короткой дорогой, но всё равно столкнулся с мужем Мэри на обратном пути. Первый же вопрос любопытного подсказал мне резкий ответ:

– Как Тимоти? – малый вопрос открывал большие планы моему сердцу, тоскующему по новым острым ощущениям:

– Умер... – вырвалось у меня.

Художника так поразила печальная новость, что он даже не нашёл слов для соболезнования, я и сам ощутил, как упало моё сердце. Так необдуманно я убил своего малыша, и все мои мечты оградить моего ребёнка от насмешек любующегося своим сыном Мэри были похоронены заживо.

Глава VII. Прощание с Тимоти

Полагаю, многие из вас догадались, что я раз и навсегда избавился от Тимоти, чтобы обрести возможность передать Дэвиду оставшуюся от него детскую одежду, и вы не в обиде на меня за то, что я расстроил бедного художника.

Невзирая на искреннее сопереживание, я всё же заметил, что его расспросы носят ещё и некоторую долю самолюбия, дабы уберечь собственное дитя от подобного. Как у всех родителей.

Художник с заботой спросил, может ли он помочь мне, и кое-чем он действительно мог бы помочь, но я вряд ли признаюсь чем, потому что это бы его взорвало, так как он мог невероятно разволноваться и от малого намёка на мою помощь. Лучше пусть сам догадается.

И я стал рассказывать, что дома остались вещи Тимоти, которые доставляют мне боль, а тот поражённый до глубины души сочувственно пожал мне руку, в душе, полагаю, думая о другом доме и других детских вещах. Мне бы не хотелось доставлять ему хлопот, но ведь в его доме подобных вещей не так уж много, а мой рассказ расстроил и меня самого, так что я уже не сдерживаясь добавил, что мне было трудно продать вещи Тимоти или раздать нищим, ведь неизвестно в какие-руки они попадут, а ещё заверил, что один из моих друзей, у которого тоже маленький ребёнок, от вещей Тимоти отказался, потому что тоже был привязан к покойному младенцу. Кажется, именно это взяло за душу художника, и тот, наконец, предложил то, чего я добивался. Я сердился на нас обоих, что это так трудно далось – обычно мне всегда не хватает решительности и находчивости, но уж если я начну дело, то всегда довожу его до конца.

Тимоти, как вы поняли, был обречён с самого начала, его ведь даже на прогулку нельзя было вывезти – он бы долго не протянул.

И ныне, когда он меня покинул, мне даже стало легче, я живо припомнил, с какой любовью поднёс его в тот день к окошку полюбоваться закатом, и с ним ребёнок ушёл навсегда

вслед за солнцем. С болью я убеждал своего малыша, что его крошечные вещички очень нужны другому, и когда солнце, как истинный его родитель приняло его в свои пламенные объятия, младенец подарил на прощанье улыбку одной даме, которую так нежно желал бы именовать мамой, наивно полагая, что у белых птичек бывают матери. В этот миг Тимоти и завладел моей душой – мне так хотелось гулять с ним в Кенсингтонском Саду до конца дней моих, скакать с ним верхом на палочке, радостно окликать его и любоваться идиллией детства, а ещё пускать в плаванье на Круглом пруду бумажные кораблики и гонять обручи по дорожкам моего беззаботного детства. Сколько мы с друзьями их пробегали тёплыми летними деньками, пока в другом конце сада не явились мы уже взрослыми джентльменами и леди, сполна расплатившись за детские радости. В моих холостяцких комнатах меня не покидала упорная мысль, что и Тимоти догадывался о моей тоске, но его самолюбие было задето, и он утешал, что делает подобное не потому, что боится жить – жить он очень хочет! – но он был таким непохожим на обычных мальчиков, потому и... высвободил пальчик из моей ладони и перешёл у меня на глазах в иной загадочный мир, но даже если бы он был очень похож на других мальчиков, мне всё равно было бы лучше без него.

Однако я что-то раскис, хотя внешне и не заметно, надо бы взять себя в руки.

На другой день я отправился покупать Дэвиду детские вещи, но вдруг смутился, увидев Мэри перед входом в лавку ростовщика. Потому и испугался войти в магазинчик детских вещей: став отцом, мужчина обретает уверенность в себе, у меня же и духу не хватило зайти в магазинчик. Я уже давно не любил всяких магазинов, кроме ателье, где заказывал себе пошив одежды. Так и топтался в дверях, посмеиваясь над своей нерешительностью – битый третий час – решишь я раньше, дело уже было бы сделано.

Но в миг, когда я всё же решился, я заметил приятного джентльмена, как мне показалось, пристально следившего за мной. Тут я развернулся и ушёл, но обернувшись, заметил, что незнакомец всё ещё там, и, кажется, убеждён, что полностью пронюхал о моих намерениях. Еле сдерживаясь, я поклонился ему с ледяной вежливостью:

– Мы уже встречались, сэр?

– Прошу прощения, – отозвался тот, и я отметил, что мои слова отвлекли его от меня всего лишь на миг – уверен, он что-то серьёзно обдумывал, прежде чем ответить мне.

– Ни капли сожаления, – рявкнул я.

– Жаль, – отозвался он со смехом.

– Предупреждаю, сэр, – заявил я, – Буду стоять здесь, пока Вы не уйдёте, а тот лишь прислонился спиной к витрине.

Но в конце концов всё же разозлился: «Я никому не назначал здесь!» – и с новой силой прислонился спиной к витрине.

Мы оба твёрдо решили стоять на своём, и, видимо, очень смешно выглядели со стороны. Впрочем и это мы оба вскоре заметили. Со временем чуть остынув, мы тепло пожали друг другу руки и разошлись нанимать извозчиков.

Неужели я так и не завершу задумку? У меня были знакомые леди, которые помогали мне делать покупки, но если обратиться к ним, то придётся пояснить ситуацию, а мне бы этого не хотелось.

Уже чуть было совсем не отчаявшись, я вдруг вспомнил про Ирэн и миссис Хикинг, душевно расположенных ко мне – их-то я и попрошу помочь мне с покупкой одежды для Дэвида.

Глава VIII. Беспечный официант

То были дочь и жена Вильяма, официанта из моего клуба, который последнее время начал меня разочаровывать.

Уже в который раз я ждал свой заказ дольше именно по вине этого разгильдяя.

Стол у окна, в общем-то, всегда оставался за мной, так что я этим пользовался, заказывая блюда, что и ему было на руку, и потому мне можно было доверять выбор именно этому официанту.

А как-то пожаловался ему на одного из завсегдатаев, напугавшего меня в библиотеке клуба хлопком двери; я даже продемонстрированный ему порезанный ниткой палец. Вильям был отнюдь не лучшим официантом. В спорах он не участвовал, разговоров не слушал – хоть убийство при нём планируй.

Раз один из членов клуба предположил про одну лошадь, что она возьмёт первый приз на скачках Дерби, а другой, что именно у этой лошади нет никаких шансов, но Вильям согласился с обоими. Видимо, он считал себя душой всех компаний, а мне напоминал сигару, которую можно курить с обеих сторон.

В один летний вечер всё неприятно изменилось. Как обычно, я обедал за своим столиком у окна и на мой неоднократный заказ «Тушёные почки!» он только вытянулся: «Слушаю, сэр!» и давая понять, что рад моему выбору повторил: «Тушёные почки, сэр?»

А через пару минут я почувствовал, как кто-то опирается на спинку моего кресла, и представьте, это был именно Вильям! Ему почему-то понадобилось наклониться к окну, вот и опёрся на моё плечо.

– Вильям, – напомнил я, – Вы случайно не забылись?

Надо отдать должное, тот сразу отступил в сторону и отдернул руку, но продолжал довольно дерзко:

– Прошу прощения, сэр, я задумался, – после чего снова уставился в окно, и вдруг сильно разволновался, – а Вы случайно не видели в окне девочку?

О люди, люди! Но Вильям всё же хороший официант, и я указал на девочку, которая едва заметив Вильяма, тут же выскочила на середину улицы Пэлл-Мэлл, не обращая внимания на экипажи (а ведь её и задавить могли!), лихо кивнула три раза головой и ускакала прочь. Эдакая презабавнейшая десятилетняя замарашка. Вильям заметно успокоился.

– Слава Богу! – не удержавшись, выдохнул он. И я бы не рассердился на него в этот миг, даже если бы тот обронил на меня тарелку с супом.

– Вильям, можно хлеба! – резко оборвал я сцену.

– Вы ведь, не сердитесь, сэр? – еле прошептал он.

– Однако, это вольность.

– Да, сэр, я забылся.

– Опять вольность.

– Сэр, моя жена...

Итак, мой любимый официант – семейный человек. Непозволительная вольность.

Я заметил, что Вильям чем-то очень расстроен, даже на ногах едва держится, а после сытного обеда как-то больше склоняешься к позитивным мыслям об этом мире, потому я надеялся, что знак девочки говорит об улучшении здоровья его жены, но официант почему-то не хотел меня радовать, и рассказал, что доктор боится тяжёлых последствий.

– Тоже мне, доктор! – буркнул я с досадой.

– Да уж, сэр.

– А что с женой?

– Да она всегда была слаба здоровьем, сэр, но виду не подавала, а недавно родила дочку...

– Как же Вы могли позволить, Вильям?.. – начал было я, но тут же смекнул, что этот папаша и мне пригодится.

– Как спит Ваша малышка? – тихонько начал я, – Часто ли просыпается? Где вы её купаете? – и, заметив его удивление, тут же добавил, – Девочка на улице подаёт Вам какой-то важный знак?

– Да, сэр, это моя старшенькая. Она кивнула трижды – значит, маме чуть получше.

– Сегодня трижды?

– Да, сэр.

– Вы из бедного квартала, Вильям?

Тот обиженно взглянул на меня:

– Вовсе не бедного, за Друри-Лейн, – и он умолк, потом вздохнул, – Бедняжка боится умереть без меня, не успев опереться на мою руку...

– Стоит ли поминать об этом.

– Да она и не поминала, она-то меня успокаивает и говорит что ей лучше, но я-то по глазам вижу, когда ухожу утром из дому, она с постели провожает меня взглядом, и я замечаю... Боже мой, сэр!

– Вильям! – и он, наконец, осознал, что я сержусь и как же принялся извиняться передо мной, стараясь отвлечься от разговоров о своей жене, как от неудачного совета по выбору блюд. За бильярдом я попытался забыть об этом разговоре, но не смог – всё-таки удалось ему лишить меня душевного покоя. И на другой день, в назидание Вильяму я заказал обед у другого официанта. Но сидел я всё же у окна, и потому заметил, что девочка опоздала, но мне спешить было некуда, и я ждал её появления за столиком. И девочка не только кивнула трижды, но ещё и помахала своей шляпкой. Тут я и встал.

Вильям робко подошёл ко мне.

– Сэр, у жены стала спадать температура, – и он возбуждённо потёр ладони.

– Мне-то зачем об этом знать? – холодно заметил я и заторопился в бильярдную, где вскоре и выиграл дважды.

Я дал понять официанту, что забыл о его излияниях, но каждый вечер стал наблюдать за той девочкой. И однажды она не только не кивнула, а лишь покачала головой, и я тем вечером так и промахивался на бильярде. На другой день Вильям в зале не появился, и я догадывался, что могло произойти. Грустно поплёлся я в библиотеку, но с удивлением обнаружил там Вильяма, протиравшего пыль на полках. Можно сказать, что мы одни были в библиотеке, если не считать нескольких членов клуба, сладко дремавших в своих креслах над раскрытыми книгами. Вильям спустился со стремянки и поведал мне свою занимательную историю, как выругался на одного из членов клуба:

– Я не в себе, сэр, что оставил жену утром в плачевном состоянии, – я топнул, – Простите, сэр, что опять рассказываю Вам об этом, – добавил он сконфуженно, – Но мы с Ирэн договорились, что она будет подходить через каждый два часа, а в четыре она прибежала заплаканная, тут я совсем сдурел и грешным делом толкнул мистера Б***. А тот как завопит: «Чёрт тебя задери!»

И он понурил плающую стыдом физиономию, а мне показалось, что в этот миг уснувшие читатели вздрогнули во сне.

– И я вынужден был покинуть зал, – пояснил Вильям, – Вот теперь здесь, пока начальство не решит, как со мной поступить... Сэр, я готов на коленях просить прощения у мистера Б***!

Что ещё ждать от человека, способного так унизиться из-за какого-то фунта стерлингов в неделю?

– Если жена узнает, что меня уволили, это убьёт её!

– Пожалуйста, не говорите мне больше об этой особе, – рассердился я, – Пока совсем не успокоитесь!

Доверившись судьбе, я решил найти мистера Б***.

– Зачем Вы ругались на официанта? – спросил я его.

– Может, Вы хотели сказать, зачем он ругался? – вспыхнул тот.

– Вот оно что! В таком случае, рад за Вас, – заверил я его, – Мне не верилось, что Вы способны на непристойность, а то мне сказали, что вы друг на друга ругались, но Вы обойдётесь выговором, а его могут уволить.

– Кто сказал? – поинтересовался робкий по своей природе Б***.

– Да ведь и я знаком с начальством, – бросил я и перевёл разговор, но мистер Б*** слушал рассеянно и наконец выдавил:

– Знаете, мне могло послышаться ругательство, и я завтра отзову свою жалобу на официанта...

И я порадовался, что дело Вильяма так тихо утряслось.

Окна библиотеки выходили во двор, и Ирэн оттуда наблюдать было невозможно. Зато я наблюдал её из зала. Не замечая отца в окне, девочка не подавала никаких сигналов, и я, раздосадованный её недогадливостью, вышел на улицу и сам спросил её о самочувствии матери.

– Ой! – пискнула та, оглядывая меня с ног до головы, прикидывая, что я один из завсегда-таев клуба – Вильям наверняка расписал ей всю нашу шикарную жизнь. Больной было намного лучше, девочка прибежала лишь за тем, чтобы сообщить, что мама съела всю тарелку супа из тапиоки. Девочка даже изобразила прямо посреди улицы подлизывание тарелки. Я сунул этой оборвашке шиллинг и вернулся в клуб с чувством брезгливости.

– Да, Вильям, мистер Б*** хочет отозвать жалобу на Вас, потому что ему послышалось Ваше ругательство, так что скорее всего завтра Вы вернётесь к своей прежней работе.

Я уже хотел было добавить, чтобы впредь не забывался, но Вильям тихо заверил:

– Ему не послышалось – я его и правда обругал...

– Истинный джентльмен, – надменно изрёк я, – Не обращает внимания на глупую болтовню официанта.

– Но сэр...

И я оборвал его болтовню:

– Кстати, Вильям, Вашей жене намного лучше – она съела всю тарелку супа.

– Откуда Вам это известно, сэр?

– Совершенно случайно узнал.

– Ирэн дала знаки под окном?

– Нет.

– Значит, Вы увидели её и вышли на улицу, чтобы...

– Опять Вы забываетесь, Вильям!

– Сэр, этого я никогда не забуду! Боже Вас со...

– Вильям!

И он вернулся к прежней работе в зале, но постоянно сталкиваясь взглядом с ним, я видел на его лице тень его больной жены, а потому держал дистанцию. Хотя каждый вечер наблюдал в окне за его дочку.

Меня изумляла наглядность жестов этой девочки, по которой можно было ясно прочесть, что во вторник больная опять съела всю тарелку супа, а в среду яйцо всмятку – девочка наглядно изображала, как разбивает и подсаливает яйца посреди Пэлл-Мэлл, а в четверг я узнал, что состояние больной ухудшилось.

– Как сегодня себя чувствует Ваша матушка, мисс Ирэн, опять хуже? – спросил я её как-то, уведя подальше от окон клуба.

– Ой! – опять пискнула та, с восторгом обменявшись взглядом с младшей подружкой, которую представила мне как свою соседку.

Я спокойно дождался ответа. Как я узнал от девочки, жена Вильяма утром была страшна, как смерть, но ей дали глотнуть бренди, и она очнулась.

– Потихе, детка, – опешил я, – Тебе ли знать, какова смерть.

– Боже мой! – был ответ.

С помощью подружки, на которую наше знакомство произвело сильное впечатление, Ирэн много рассказала о своём отце. Я узнала, что фамилия Вильяма Хикинг, но все соседи по одежке именуют его Пижоном Хикингом; а ещё советуют ему не работать после двух дня,

потому что в это время он нужнее своей жене, чем клубу, на что Вильям, к его чести, отвечает, если в клубе к вечеру бывает мало официантов, и посетителям приходится дольше ждать своих заказов. Он ночами дежурит у постели жены, уверяя её, что выспается днём на работе. Беседуют они чаще всего о младшенькой, которую отдали под присмотр старушки в другом конце Лондона, потому что на их улице какая-то заразная болезнь.

– А что сказал доктор?

– Сказал, что ей может быть лучше, когда младшенькая будет рядом.

– Чепуха!

– И советует переехать в деревню.

– Почему же Вильям медлит с этим?

– Ой! Ещё советует пить портвейн.

– Она его пьёт?

– Нет. Но папа рассказывает как его пьют в клубе.

Я постарался соблюсти дистанцию, но девочка встала прямо передо мной:

– А Вы сделаете, как в тот раз? – украдкой подняла она глазки и показала на подружку, с ярым любопытством наблюдавшую за нами, – Я ей рассказывала, как Вы...

На миг, я подумал, что плутовка выпрашивает у меня новый шиллинг, но по её выразительным жестам, понял, что ей понравилось, как я снял шляпу перед ней. Я снял шляпу и с поклоном удалился, а обернувшись, увидел, как она стояла, гордо подняв головку, а подружка смотрела на неё с восхищением. Очаровательные создания!

Где-то через неделю я ехал в пассажирском ландо с газетой в руках, да так чтобы она прикрывала моё лицо и никто из знакомых не заметил меня в обществе официанта и его жены. Вильям прекрасно понимал, что дружеское общение с его кругом оскорбительно для меня, а потому лишь молча благодарил взглядом. Я приказал ему сесть за стол – тот сел, но тут же спохватился, что я член клуба, и вскочил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.